

Догазывалъ премудрость Бога,
Вникалъ въ природы красоты;
Съ какимъ онъ жаромъ удивлялся
Наполеонову уму,
И какъ дѣлами восхищался
Моро, и Нея, и Даву;
Бранилъ всѣхъ русскихъ безъ разбора,
И въ Эрмитажѣ отъ картинъ
Не отводилъ ни рта, ни взора...
О плуть!

хv.

И потакалъ, и лицемѣрилъ,
И льстилъ безсовѣстно, и вралъ,—
А честный дядя всему вѣрилъ
И шуту денежки давалъ...
Бывало только онъ съ Мильонной,
А дядя: «Гдѣ дружочекъ былъ?»
— «Да я-съ (куда какой проворный!)—
Я-съ по бульвару все ходилъ;
Потомъ спускъ видѣлъ парохода,
Да Зимній осмотрѣлъ Дворецъ;
Какая славная погода!»
.....

хvi.

Ахъ ты, проклятая собака,
Вѣдь что мошенникъ не совреть!
А хоть ругай—мой забіяка
Живеть да пѣсенки поеть...
Звенить цѣлковыми-рублями,
Летаетъ фертикомъ въ садахъ,
.....
И сушить водку въ погребахъ.
Ну, что ты дѣлать съ нимъ прикажешь?
Не хочеть слышать ужъ объ насъ...
Ей, Саша! или не покажешь
Въ Москву своихъ спѣсивыхъ глазъ?

хvii.

Постой! не вѣчно, братъ, рейнвейны
Въ Café de France ты будешь пить,
.....
И въ шляпѣ à la riche ходить!

